

Лариса МАЛЕВАННАЯ:

К прошлому отношусь как к перепиленным опилкам: подмела — и забыла

В ДЕНЬ 75-летнего ЮБИЛЕЯ ЗНАМЕНИТОЙ НАРОДНОЙ АРТИСТКИ МЫ ОПУБЛИКОВАЛИ ПЕРВУЮ ЧАСТЬ ИНТЕРВЬЮ (см. номер «ВП» за 22 января). СЕГОДНЯ НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ Людмила КЛУШИНА ПРОДОЛЖАЕТ БЕСЕДУ С ИМЕНИННИЦЕЙ

СЕМЬЮ НЕ ПОМЕНЯЕШЬ

— Лариса Ивановна, вижу и уже чувствую, что вы очень позитивный человек...

— Я долгое время себя перевоспитывала, потому что родилась девочкой очень болезненной, грустной, трусливой. Видимо, потому, что у нас папа был пьющий и на меня это действовало ужасно. Сестра моя, которая на полтора года младше, все быстро забывала, а же была склонна все драматизировать. Но каждый человек растет, развивается, и я доразвивалась в противоположную сторону достаточно успешно. Во всяком случае когда я узнала свой страшный диагноз, то во мне ничто не дрогнуло, хотя у врача руки тряслись. А сейчас, несмотря ни на что, все говорят, что от меня что-то такое позитивное исходит — можно греться, даже в моей холодной квартире (смеется). Да и я сама это чувствую.

— Наверное, тут уже сказалось влияние мамы — она ведь у вас была учительница.

— Мама была потрясающая женщина, голос никогда не повышала, всех оправдывала, и что свело моих родителей вместе — я до сих пор не понимаю. Мама умерла в 43 года, потому что, я считаю, она неправильно выбрала себе мужа. Ведь говорил же Христос, что враги человеку — домашние его. Где человеку живет труднее всего? В семье. Потому что все близко и с разными характерами, из-за чего начинаются трения. С посторонними легко: встретились, похихикали и разошлись. Или на работе — плохая работа, взял да поменял ее. А семья? Как ее поменяешь?

— Ну у нас же не домострой — можно развестись в конце концов...

— Но ведь с детьми не разведешься, с родителями тоже! Говорят, трения нужны, потому что когда одна благость и все хорошо, то душа застывает и не развивается,

делается инфантильной. Но иногда женщины мучаются совершенно напрасно. И у моей мамы была пытка, а не жизнь. Мы, дети, а нас в семье было четверо — три сестры и брат, просили ее: «Мама, брось его!» А она нам: «Как я вас прокормлю?» — «Так папа же все равно деньги пропивает!» — упрасивали мы. Папа работал водителем троллейбуса в Краснодаре, куда мы пере-

«Легенда о Тиле».

ехали, когда мне было 13 лет. И когда не пил — был замечательным человеком: веселым, отзывчивым, покладистым. Но я все равно старалась меньше находиться дома — записалась в драмкружок, играла в баскетбол, ездила на соревнования, когда поступила в Краснодарский пединститут на историко-филологический факультет.

ИЗ ФИЛОЛОГОВ — В РЕЖИССЕРЫ

— Но мысль стать артисткой не оставила вас?

— Я с детства хотела быть актрисой. Но мои родные мне внушали, что это нереально, что в театральном поступают либо дети артистов, либо по большому благу, либо берут туда за какую-то невероятную красоту.

А моя бабушка, которая жила в Донецкой области, говорила: «Та ты ж подывис на себе в зеркало: така худынька, така страшнынька». Ну я действительно была скелет ходячий. А «худынька» — все равно что уродина для украинской женщины. И когда я говорила, что хочу в артистки, то мои родные смеялись. А на закомплексованного ребенка это все действовало. И я пошла в пединститут, благо окончила школу с медалью, и поступила. Но когда надо было защищать диплом, я поняла,

— Когда я заикнулась насчет кафе, то увидела, как все поскуцнели, — да я и сама рестораны не очень люблю, даже хорошие. Поэтому юбилей отмечаю дома. Принимаю поздравления, цветы, звонки. И конечно, пожелания здоровья, а я от этого подзаряжусь, ведь слово материально. А 25-го мы встретимся с семьей за обедом. Я же южная женщина, люблю кормить — внук Миша обожает мои котлеты, иначе это для него не праздник...

что меня куда не отпустят, пока я не отработаю три года по распределению. И... не защитила диплом, забрала документы и приехала в Ленинград, хотела попробовать поступить в Театральный институт. Оказалось, что на актерский факультет поступают до 22 лет, а мне уже был 21, на режиссерский — до 36. Я была уверена, что провалюсь, и на следующий год у меня на актерский факультет документы уже не возьмут, а на режиссерский я могу поступать 15 раз. Но неожиданно меня туда сразу взяли, и я теперь хвастаюсь, что закончила режиссерский факультет ЛГИТМиКа с отличием.

— Можете похвастаться еще и тем, что встречались и театром, и кино: ставите спектакли, играете, пишете сценарии...

— Когда я приняла решение уйти из БДТ, где у меня не стало ролей, думала: лягу на диван — буду книжки читать, вязать свитеры, буду лениться, ничего не делать. Но тут словно шлюзы открылись: меня позвали в Краснодар, где я сыграла странную миссис Савидж, потом в Краснодар — ставить в молодежном театре спектакль. Я поехала туда и влюбилась в этот театр — он оказался самым мой театр. Я там три спектакля поставила: «Куколку» по «Шутке мецената» Аверченко — она была признана лучшим спектаклем на Кубани в 2010 году. Затем — «Вечный мук» по Достоевскому, который тоже понравился критикам, а последний спектакль-инсценировка — «Чудики» по Шукшину, он тоже пользуется успехом. Я три книжки написала, одна из них — сценарии. Сейчас много предложений в кино. Когда я после бронхита лежала в больнице, мне позвонили из Москвы и предложили сняться в одной картине. Я говорю, что приняла решение

не сниматься больше, а потом все-таки поинтересовалась, что за фильм. Оказалось, «Мясца в деревне» по Тургенева, режиссер Вера Глаголева. Я спрашиваю: «Вы меня не разыгрываете? Ведь сейчас классику не снимают, одних бандитов только, вот я и решила «завязать». — «Вот вы у нас отснимаетесь и «завязываете» сколько хотите», — в тон отвечает мне. Так я прошлым летом снялась у Веры Глаголевой. Да, сейчас предложение чуть больше, чем хотелось бы, так что надо отбирать, немножко себя жалеть. А сравнительно недавно мне позвонила знакомая и уговорила прочитать сценарий 16-серийного фильма о «Скорой помощи» (ремейк американского сериала) — он снимается в Киеве. Я прочтала, и у меня все задрожало, так захотелось там сыграть... И я иногда думаю: «Ну и чего я сидела в БДТ без ролей? Сколько бы я могла сделать за те годы, что провела впустую в этом театре!»

— А принцип Георгия Товстоногова — добровольной диктатуры — у себя в театре не применяли?

«Поводырь».

— Во-первых, я женщина, а во-вторых, у меня есть еще другие эталоны — например, Петр Тодоровский, у которого все было основано не на диктатуре, а на взаимной любви, взаимном восхищении. Режиссер восхищается артистами, артисты восхищаются режиссером, и от этого рождаются красивые и талантливые «дети» — фильмы. У Товстоногова, при его жестком стиле, получались замечательные спектакли, но это не мой стиль, и иногда мне казалось, что я по-

«Единственная».

пала не в свой театр. Я их всех очень люблю, помню, но мне там все время было холодно, как в моей квартире. Вообще — и я это говорила не раз — к прошлому отношусь как к перепиленным опилкам: я распилила, подмела — и все, больше к этому не возвращаюсь. То, что надо, — сейчас со мной, то, что отжило, — опилки. У меня свои дела и очень интересная жизнь, а у БДТ — своя жизнь. У Чхеидзе, за всю бытность его в БДТ, я вообще не сыграла ни разу. И когда он меня не отпускал из театра, говорил: «Подумайте, ну как же так!», то, думаю, он это говорил, беспокоясь за свой авторитет: «А вдруг кто-то скажет, что при нем ушла вот такая-то народная артистка».

«А КОРОЛЬ-ТО ГОЛЫЙ!»

— Ну а отношение к современному театру у вас какое?

— Не знаю, какое у меня отношение к современному театру, я человек прошлого века, люблю русский психологический театр. Но когда смотрела «Братьев Карамазовых» знаменитого немецкого режиссера, то едва досидела до антракта и ушла в большой печали, что, видимо, я такая ограниченная, неспособная воспринимать современное искусство. Бьюсь над загадкой, в чем гениальность этого спектакля. И мне, как тому вредному мальчику из известной сказки, хочется сказать: «А король-то голый!» Все восхищаются, особенно студенты, хлопают, дескать, новое слово, героиня Достоевского ходит в мини-платьях, а два брата — Алеша и Митя — сидят, долго говорят и минут пятнадцать, не мигая, смотрят в глаза друг другу. Если бы я преподавала режиссуру в театральном институте и кто-нибудь из студентов показал мне такую сцену, то я бы ему поставила двойку. И вот я сижу и думаю: «Или я нездорова, или нездоров современный театр». Мне кажется, что все эти режиссерские фокусы приходят на выручку тем, у кого душа мертва. Вы заметили, что в современном театре все больше изощренных приемов? Все больше стилей, почерков, режиссерских изысков и все меньше нюансов. И в кино то же самое: исчезает

интерес к деталям жизни человеческого духа — то, что мы находим в картинах Петра Тодоровского.

— Так мы плавно подошли к «Интердевочке». Фильму, в котором вы сыграли маму Тани Зайцевой, исполняется 25 лет...

— Когда мы обсуждали мою роль с Тодоровским, то пришли к выводу, что мама не знает своей дочери. Если бы она знала, чем занимается ее дочь, то вряд ли это пережила бы. В психологии есть такой термин — «вытеснение». Наше сознание вытесняет информацию, которую нам невыгодно знать. Маме Тани Зайцевой было удобно верить в то, что рассказывает ее дочь, потому что в другое поверить было невозможно.

— Лариса Ивановна, а с вашей экранной дочерью — вы видите?

— Очень редко. Она живет в Москве, а я в Петербурге, но я навсегда сохранила к ней очень добрые и теплые чувства, надеюсь, и

«Анкор, еще анкор!».

она ко мне тоже. Нам было очень легко вместе сниматься — мы же пробовались с ней в первый съемочный день! Играла сценку — помните? — на кухне, когда Тania уезжает, а я уговариваю ее остаться. И Тодоровский подошел, приобнял нас и сказал: «А знаете, девочки, я больше никого пробовать не буду — вы у меня и сыграете».

ДЛЯ ВETERANОВ НАДО БЫ ПОЧИТАТЬ ЧТО-НИБУДЬ ВЕСЕЛОЕ

— Еще хотелось спросить вот о чем: через несколько дней город будет отмечать 70-летнюю годовщину полного снятия блокады. Как вы относитесь к предполагаемой реконструкции блокадных дней?

— По-моему, это ужасно. Лучше сделать

Фото Наталья ЧАЙКИ

что-то позитивное для ветеранов, например ценные подарки. Зачем им все время о негативном напоминать? Вот меня зовут прочитать в БКЗ «Октябрьский», в ДК «Выборгский» стихи Ольги Берггольц, и я их, конечно, прочитаю. Но может быть, лучше бы им прочитать какой-нибудь юмористический рассказ, чтобы не слезы ветеранов видеть, а их улыбки?

— У вас же есть некоторое внешнее сходство с поэтессой...

— Я играла Ольгу Берггольц в спектакле, с тех пор ее стихи всегда и читаю. Кстати, когда я ее играла, Ольга Федоровна еще была жива, я хотела встретиться с ней и позвонила ей по телефону. Она попросила перезвонить. Я перезвонила и услышала: «Дорогая Лариса, думаю, что от встречи со мной вы сейчас

ничего не приобретете — я сейчас в плохом состоянии. Играть, как вы считаете нужным».

— Лариса Ивановна, вы сказали, что ездите в Киев на съемки. А следите ли за политическими событиями на Украине? На Майдане были?

— Давно уже не слежу за политическими событиями, политика — это гадость и грязь. Но знаю из агни-йоги, что мысль материальна — она влияет на позитивные процессы в мире. И я знаю, что своим позитивным настроем, своей любовью к украинской сестре и другим людям, любовью к Украине делаю огромную созидательную работу по урегулированию конфликта (улыбается).

— Недавно спрашиваю у своей сестры Иры, живущей в Одессе: «Как там у вас, тоже Майдан?» А она мне: «Нет, у нас ничего такого нет — у нас чувство юмора есть».

— Да (улыбается). Самая трудная победа — победа над самим собой.

Полную версию интервью читайте на нашем сайте www.vpress.ru